

Ви Корс

Туман и Молния

Книга IX

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ви Корс

Туман и Молния. Книга IX

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Корс В.

Туман и Молния. Книга IX / В. Корс — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Продолжение нашумевшего эротического приключения - Туман и Молния. Около полудня они вышли к заброшенному кладбищу. Карине стало не по себе. Но не от вида заросших бурьяном потрескавшихся могильных плит и развалившихся склепов. Содержит нецензурную брань.

Глава первая. Сон

Жёлтые осенние листья, кружась, падали и падали с деревьев. Орёл узнал это место – именно сюда Никто привёз его когда-то давно. Здесь впервые князь Арел встал на колени, попросил Никто сделать его своим рабом и по своей воле принял рабство. И согласился на клеймо. Согласился вечно носить на лице чёрную татуировку на полщеки и ещё получил в подарок собачий ошейник на горле. Теперь здесь не было ни Эмбы, ни её собаки. Теперь здесь была осень, и деревья стояли вокруг все украшенные золотой листвой.

Арел вдруг понял, что на нём женское платье. Белое с горой пышных атласных юбок и тугим корсетом, зашнурованным сзади так, что трудно было дышать. При этом его грудь оставалась открытой, корсет начинался чуть ниже. На кольцах, вставленных в его соски, теперь еще дополнительно висели крупные каплевидные жемчужины, и сквозь кольца были красиво протянуты нитки перламутрового жемчуга, опоясывая грудь и свисая полукружиями вниз на корсет.

Арел пару раз в своей жизни в шутку или за карточный проигрыш надевал женское платье, поэтому знал эти ощущения, но он никогда не затягивал корсет настолько сильно, так, что с трудом можно было дышать. Он сидел на покрытой опавшей листвой земле, ошеломлённый, судорожно дыша, и жемчужные капли подрагивали на его груди. Перед ним стоял Никто.

– Обними меня, – попросил Арел. Никто, опустившись на землю, притянул его к себе и нежно прикоснулся губами к его губам. Арел потянулся к нему, целуя в ответ и забирая его нижнюю губу к себе, глядя языком и касаясь колец, продетым сквозь неё. Никто закрыл густо подведённые чёрным глаза; его веки подрагивали.

– Я твоя невеста, – прошептал Арел едва слышно.

Никто повалил его на землю, продолжая одной рукой обнимать, а другой задирая пышные юбки белого свадебного платья. Жёлтые разлапистые листья шуршали под ними, окружая их терпким ароматом зрелой осени.

– Только не бросай меня! Только не бросай меня больше! Ник, умоляю тебя!

Никто перевернул его, зарыв лицом в опавшую листву. Плечи Арела подрагивали от толчков, а жёсткий корсет не давал дышать. Он не видел, что совсем рядом с ними, возле оранжевого дерева, стоит Лис.

Он заметил его только тогда, когда Никто отпустил его, но может быть, Никто заметил Лиса раньше?

– Лис, не надо ревновать, я полюбил Ника, – произносит Арел как-то безжизненно. – Прости, – последнее слово звучит виновато.

Но вопреки его ожиданиям, что Лис поймёт, лицо Лиса скривилось в усмешке:

– Я ревную?! Совет вам да любовь!

Никто не шелохнулся, а Лис падает, словно от удара. Его рыжие волосы смешались с рыжей листвой. Он лежит, не двигаясь и не поднимаясь.

– Не надо, – умоляюще просит Арел Никто. – Пусть говорит, что хочет. Мне совсем не обидно. Не надо его наказывать.

Никто вытаскивает из сумки свою коробку с «лекарствами». Достает из неё вовсе не шприц, в его руках не стеклянная палочка и сталь, а красивое и толстое золотое кольцо. Оно гладкое и блестящее. Обручальное?

– Ну, иди ко мне, – зовёт Никто, и Арел встаёт, подходит, не сводя глаз с золотого кольца. Но вопреки его ожиданиям Никто не берёт его за руку, не собирается надевать обручальное кольцо ему на палец как своей невесте, а протягивает руки, поднимая их выше и разжимая кольцо, и пытается вставить его Арелу в нос, прямо в ноздри. Арел в смятении отшатывается,

не желая иметь сомнительное украшение, и тогда Никто толкает его, опрокидывает на землю, навзничь снова наваливаясь сверху всем телом, и, разжав, вставляет золотое кольцо в его нос, просовывая в ноздри. Арел чувствует, как украшение больно рвёт перегородку в его носу, чувствует, как оно расширяет его ноздри, мешает дышать, чувствует тяжесть.

С земли медленно поднимается Лис, в его волнистых волосах запуталось несколько опавших листьев. Он смотрит на Арела, у которого теперь в носу торчит золотое украшение, с каким-то ужасом, и Арел ощущает жгучий стыд.

– Ник, не надо, – пытается сказать Арел, но его язык заплетается, словно разбухает во рту, и у него получается лишь какое-то мычание сквозь силу.

– Не на-до...

– Князь Арел! Орёл! Проснись! – Лис трясёт его за плечи. Милый Лис, такой родной и домашний, спящий в кровати рядом.

– Что ты там мычишь? Опять кошмары? Каждую ночь одно и то же!

Арел глядит на Лиса ещё мутными от сна непонимающими глазами:

– Лис, – наконец говорит он, и взгляд его проясняется, – Никто вернётся сенью.

– Ты бредишь, – хмыкает тот и в то же время спрашивает, – а что, человек, которого ты послал на Королевский тракт за новостями, не вернулся ещё?

– Нет, – качает головой Арел, – не вернулся, но скоро, я думаю, вернется. И Ник, Ник тоже скоро вернется!

Он вскакивает с кровати:

– Мне приснилось, что я в белом свадебном платье...

– Ооо, нет! Только не это! Я не собираюсь слушать твой бред!

Потрёпанный листок «Верхнего вестника» лежит на столе перед Лисом: «Сын Дьявола по прозвищу Никто совершил дерзкий побег из Королевской тюрьмы, использовав Чёрное колдовство... открыл таинственный портал, ведущий напрямик в Преисподнюю... скрытый в глубинах древних катакомб, куда не ступала нога человека...».

Лис поднял глаза на стоявшего рядом Валентина:

– Хозяин уже видел это?

Валентин испуганно закивал:

– Да, сказал, как только вы вернётесь с охоты, показать вам.

– Ясно. Что ещё он сказал?

– Приказал принести вина, – Валентин задрожал. – А этот... этот Сын Дьявола, он придет сюда? Да, господин?

– Не знаю! – Лис встал, – это не твоя забота!

– Да, конечно, простите, – Валентин, кланяясь, испуганно попятился к двери.

Лис зашёл в комнату князя без стука и увидел уже изрядно пьяного Арела.

– Пьешь? – брезгливо поморщился он.

– Я праздную победу! – Арел поднял бокал. – Присоединяйся!

– Хм, победу?

– Не придуривайся, Лис, ты прекрасно всё понял! Мой Ник сделал их всех и сбежал из тюрьмы, прямо из-под носа этих надутых господ! А они считали себя такими умными! Он скоро будет здесь, вот увидишь! Он вернется! Скоро!

– Ты веришь в эту чушь? – Лис бросил листок «Вестника» на стол. – Сын Дьявола околдовал Карину, дочь главы Королевской Службы Безопасности, когда она принесла ему лекарства и еду. Это полный бред!

– Не-е-ет, – Арел радостно помотал головой, – это не бред! Это при мне было, Балтазар попросил её спуститься к Никто в камеру и сделать укол, так как сам не хотел карабкаться по лестницам!

Лис недоверчиво посмотрел на него:

– Почему ты мне этого раньше не говорил?

– Я не придал этому тогда никакого значения, и мне, если честно, хреново было, Лис, Корс сильно помял меня.

– И он её околдовал?

– Ну, это, наверное, придумали для красоты, конечно, что Никто её околдовал. Но явно они как-то там добазарились в камере и придумали план побега, хотя, кто знает, может и околдовал, я не знаю, это не важно! Выпей со мной, Лис! Пей!

– Может, тебе достаточно?

– Нет! Я буду пить, я счастлив! Мой Ник скоро придет!

– Да куда перенёс его портал? Может, он у себя в Нечистом пределе. Два месяца прошло!

– Он придет. Он придет ко мне. Он обещал!

– А Карина?

– Что Карина? Мне срать на эту сучку! Какая разница?!

– Ну вот, тогда ты спрашивал меня: «Как он отомстит Корсу? Как он отомстит Корсу?». Вот видишь, отомстил. Сбежал, выставив его дураком, и любимую доченьку прихватил!

– Да! Он крутой, да?! – Арел засмеялся.

– А ты ныл, боялся, что у него ничего не выйдет.

– Я верил. Верил, и...

– Что?

– Нужно подготовиться к его встрече! Нужно встретить его как следует! Арел открыл ящик стола и достал коробку с красителями, улыбнулся пьяной улыбкой, глядя на Лиса.

– Что ты задумал? – в голосе Лиса появилось напряжение.

– У меня нет здесь полоски с колокольчиками, иначе я надел бы её на тебя снова.

Лис промолчал, но на его лице появилась какая-то обреченность.

– У меня здесь есть много всяких намордников для рабов, – Арел швырнул в Лиса состоящую из тонких ремешков маску-намордник.

– Хочешь надеть её на меня? – спросил Лис немного с вызовом.

– Хотел. Ты ведь раб Никто, и я подумал, что такая встреча ему бы понравилась. Еще лет двадцать назад все рабы здесь ходили в таких. Они немного отличаются, чтобы можно было сразу определить раба с плантацией или раба со скотного двора. Этот намордник раба, который прислуживал в доме.

– А, то есть, это должна быть честь для меня? Что уж, Арел, давай мне намордник раба чистильщика выгребных ям! Я надену его!

Арел засмеялся:

– Ли-и-ис, я хотел это сделать, но передумал.

– Странно. Даже не могу представить, почему?

– У всех у них на месте рта кожаная заслонка. Когда раб ел, он мог её приподнять немного, а так всегда ходил с заслонённым ртом, чтобы не видно было его гнилых зубов и чтобы не оскорблять господ воню.

– И? Что тебя смутило?

– Мне нравится видеть твой рот, твои губы. Как ты их кривишь, даже вот сейчас, в попытке казаться безразличным. Это так забавно! Ты веселишь меня, Лис. И я вспомнил, вспомнил то, что зацепит тебя гораздо сильнее, чем банальный рабский намордник.

– Ты... – Лис перевёл взгляд на коробку в его руке.

– Кто ты, Лис?

И Лис опустил голову:

– Я шут, я дурак, – сказал он тихо. И пьяный Арел засмеялся.

Глава вторая.

Чёрный Бей

– Старик всё верно говорил, – сказал Майк Роут, – так как он говорил, там они и вышли.

– Ну, так! – довольно оскалился сидевший рядом с Чёрным Беем Эдин Ол.

– Из «Великой трясины» не так много выходов. Это всем известно!

– И оттуда на Королевский тракт в самом глухом месте, – продолжил Майк.

– Значит, встретим их у заброшенного кладбища, – сказал Бей.

– Да, – кивнул Майк, наливая в грубую глиняную кружку, стоявшую на столе, местного мутного пойла. Он выпил всё одним глотком и поморщился, вытирая рот рукавом:

– Мы пасли их целый день, они направляются именно в эту сторону, как старый и говорил.

Бей скривился, словно тоже хлебнул самогона болотных, хотя не сделал ни глотка:

– Не напоминай мне о нём лишний раз, меня бесит этот мерзкий старикашка!

Он оглядел убогую комнатёнку низкой избы, в которой они находились. Скучная обстановка жилища болотных жителей не располагала к уютному времяпровождению. Бей скосился вниз, глядя на земляной пол и наваленную в углу снопом гнилую солому.

– Там что-то есть! Клянусь Богами! И оно мне не нравится!

Они усталились на кучу соломы.

– Я тоже слышу какие-то звуки оттуда, особенно по ночам, – осторожно сказал Тоби.

– Это крысы шуршат в соломе, – ответил Эдин Ол.

– Не нужно было ссориться с Грегором, – заметил Тоби.

– Я не ссорился с Грегором, – возразил Бей, с трудом заставив себя оторвать взгляд от ненавистного ему угла. – Я просто объяснил ему, что больше не в состоянии оплачивать его дорогостоящие магические опыты и его эти, как их, «индигриенты». Нам пришлось выбирать: или эта вылазка, или сомнительные магические обряды!

– Не более сомнительные, чем эта вылазка, – сказал Тоби, поёживаясь и отводя взгляд от темного угла тоже.

– Всего лишь крысы! – уже со злостью повторил Эдин Ол так, словно хотел убедить в этом в первую очередь самого себя.

– Мы торчим в этом чёртовом болоте уже который месяц, и мне не нравится, как эти местные косятся на нас. Я не пойму, что у них на уме! – Бей потянулся было к кружке, но, почувствовав резкий запах плохого самогона, скривившись, отставил её подальше.

– И мы опять наткнулись на скелет, уже второй, – сказал Майк Роут. – Этот гораздо дальше и не так запутан в колючках.

– И? – скептически перебил его Бей.

– У него тоже нет руки. Опять также, как и у первого. Звери отъели? Одну руку.

– Не знаю! – вспыхнул Бей. – Мне плевать! Я тоже хочу убраться отсюда поскорее, как и все!

– Лучше бы Грегор был с нами, Бей, – сказал Тоби, – у болотного старика глаза змеи.

– Ну, раз терпят нас, значит, им это надо, – возразил Эдин. Он поднялся из-за грубо сколоченного низкого стола и, подойдя к лавке в углу, сдвинул её резко в сторону, откинул солому.

– Эдин! – прикрикнул на него Бей, – не трогай там ничего ради Богов!

– Здесь нет ничего.
– Что там? Под соломой? – спросил с любопытством Майк Роут.
– Доски какие-то, гнильё одно. Если попробовать их поднять...
– Эдин! Сядь! – приказал Бей, обернулся к остальным воинам, сидевшим за столом:
– Хорошо, мы сидим здесь всё лето, а где сидели они? В трясине? Местные утверждают, что там ничего нет, кроме грязи и воды. Где?! Где сидели они всё это время?!

Эдин Ол вернулся за стол:

– Сейчас это уже неважно, Бей, где сидели они, в трясине жрали грязь или в такой же халупе. Они объявились, и это главное. На рассвете надо выступать!

– Не волнуйся, Эдин, – сказал Майк Роут, – они идут так медленно, что устроить им засаду не составит никакого труда.

Он усмехнулся:

– Еле ногами передвигают. Девчонка, жалко смотреть. Худая совсем. Может и вправду болотной жижей одной и питались.

Помните её в «Нижнем», а? Такая красotka была, а сейчас едва живая.

– Ей бы бежать тогда от них куда подальше, – сказал Бей, – ну что, сама виновата.

– Да, таскается с ним, как привязанная, – согласился Майк, – худющая, он её словно высосал!

– Чёртов Дьявол! – Бей покачал головой.

– Мы целый день их пасли, пока они не разложили маленький костерок и не легли на ночлег. Идут медленно, но направление он держит верно, она плетётся за ним, ну точно как на привязи. Мы близко-близко к ним подошли, вообще не соображают ничего оба как-будто.

– О чём говорили? Слышал?

– Кто?!

– Они!

– Они вообще не говорили! Молча шли, молча развели огонь и легли. Говорю, вид такой, словно оба ничего не соображают. Подходи и бери голыми руками.

– Ну, так столько дней провести незнамо где, истощали, – обрадованно сказал Эдин Ол, – тем нам легче будет с ними расправиться.

– Он один, и нечистые не пришли ему на помощь, – сказал Майк. – Мы всё проверили, не скрываются ли сообщники в засаде. Никого нет.

– Как думаете, почему? – спросил Тоби.

– А мы почему знаем, – отмахнулся Эдин, – нам же проще!

– Жду не дождусь, когда смогу отрезать его тупую башку! – Бей стукнул кулаком по грубой столешнице. – Как он мне надоел, этот чёртов Сын Дьявола! Думать ни о чём не могу, как только о нём! И как им всем отомстить! За улицы, за мою девочку! Отрежу ему бошку, и отвезём в имение князя! Я бы вышел с этим Никто на бой один на один, меня так и подмывает, да только не охота тратить время. Поэтому просто пристрелишь его!

Бей повернулся к воину с арбалетом, сидевшему на скамье у входа:

– Пристрелишь и делов!

– Хорошо, – тот кивнул.

– А потом отрежем ему бошку и отнесем князю! И посмотрим, как он будет страдать. Так же, как я страдал по своей Жазмине, князь будет страдать по своему любовничку! Да, Тоби? – и Бей неприятно рассмеялся.

Тоби побледнел, но согласно кивнул.

– А потом мы и князя Орла убьем.

– А с девчонкой что? – Спросил арбалетчик. – Тоже расстрелять?

– Нет. Она знатная. Да-а-а, всё же знаешь, кто её отец, мы ему вернем её в целостности и сохранности, я с этим господином из Верхнего дел не имею и иметь не хочу. Надо держаться от него подальше, а то проблем не оберёшься!

– Это точно, – закивал Майк Роут. – Её вернём, он нас не тронет.

– У него свои дела, а у нас свои, – согласился Эдин Ол.

– К чему эта месть, – робко сказал Тобиас Бат, – всё равно улицы заняты Толлом и Углем.

Никто и Орёл сейчас вообще не при чём.

– Это месть! Месть за мою Жазмину!

– Но она отказала тебе!

– Э-э-э... ш-ш-ш, – зашипел Майк Роут, округлив глаза.

– Она мне не отказала, ты глупый мальчишка и ничего не понимаешь в отношениях между мужчиной и женщиной! Она просто была скромной и чистой, чтобы вот так вот сразу согласиться. Поэтому отказывала и убегала! Это обычное женское кокетство! Понятно, зелёный ты ещё!

Тоби счёл за лучшее промолчать.

А Бей хищно оскалился. Он покосился на разворошённую Эдином Олом солому и доски, лежащие на земляном полу, словно прикрывающие что-то.

– Чёрт бы подрал это место! Я рад, что на рассвете наконец-то отсюда уйдем!

Глава третья.

Встреча

Около полудня они вышли к заброшенному кладбищу. Карине стало не по себе. Но не от вида заросших бурьяном потрескавшихся могильных плит и развалившихся склепов. Нет. Какая-то тревога засела у неё в груди, как предчувствие чего-то нехорошего. Что-то вот-вот должно было случиться. Никто шёл по обыкновению молча, да и спрашивать его не хотелось, какое-то зло ощущалось ею, словно сгущаясь вокруг них, витая в воздухе. И всё же, несмотря на все предчувствия, Карина вскрикнула от неожиданности, когда из-за старинного склепа навстречу им вдруг вышли несколько воинов.

У одного из них были чёрные как смоль взлохмаченные волосы, и столь же непроницаемые чёрные глаза. Зрачок в них сливался с радужкой. Чёрный Бей! У этого человека прямо-таки была какая-то дьявольская способность появляться внезапно в самом неожиданном месте и в неподходящее время. Он посмотрел на неё, явно услышав её возглас, и ощерился довольно. С ним были его воины. Карина узнала их: полукровка Тоби, Эдин Ол, и человек, которого, она готова была поклясться, видела несколько раз в «Бакаре» среди посетителей.

Всё это длилось буквально несколько секунд, а потом один из людей Бея вскинул арбалет и выстрелил в Никто. Никто, остановившийся чуть впереди, резко дёрнулся в сторону и, наклонившись к земле, схватился за правое предплечье. В этот момент, не раздумывая, Карина бросилась вперёд, загоразивая его от стрелка. Она закричала, изо всех сил стараясь придать голосу храбрости:

– Прекратите! Бей! Меня зовут Карина Корс, и мой отец глава Королевской Службы Безопасности, он заплатит большой выкуп за меня!

Она расставила руки, стараясь как можно сильнее закрыть Никто собой:

– За меня живую!

– Уйди с дороги! – зарычал Бей.

– Прикажи ему не стрелять!

– Что ты делаешь?! – зашипел Никто и, вцепившись в простреленное предплечье, он попытался сдвинуться от Карины в сторону.

– Возвращаю долг, – резко бросила она, продолжая заслонять его собой, – стой, не дёргайся, ты ранен.

Бей подал знак своему воину, и тот, подчиняясь, опустил оружие. Карина не сводила с него глаз, лихорадочно прикидывая расстояние, если люди Бея пойдут в атаку, стремясь взять её живой для выкупа, первое, что нужно сделать, – попытаться лишить его арбалета, а лучше завладеть им. Это трудно. Интересно, о чём думает Ник? Но он стоит у неё за спиной и ждёт. Как тогда во время их побега из тюремной башни. Он также стоял у неё за спиной, пока она пыталась договориться с патрульными. Тогда из этого ничего не вышло, а сейчас? Что им делать сейчас?!

Человек Бея хоть и опустил оружие, но сделал несколько шагов вбок в их сторону, пытаясь обойти. Карина мгновенно распознала его манёвр.

– Стой, где стоишь! – она передвинулась за ним в сторону, стараясь всегда быть полностью повёрнутой к врагу.

– Сумасшедшая, что ты творишь! – закричал он раздосадовано.

– Расстреляй её к чертям! – выругался Эдин Ол.

– Вам не нужен выкуп? Большие деньги.

Карина с замиранием сердца следила за реакцией Бея и видела, что он сомневается, желанье тут же покончить с Никто боролось в нём с жадной жаждой денег. Он медленно поднял меч:

– Девку брать живьём!

Что ж, по крайней мере, угроза расстрела на какое-то время миновала.

Сейчас как никогда ясно Карина понимала, что делает. Если раньше приход в команду Орла, спасение Никто из тюрьмы, все её планы и действия были не до конца продуманы, а часто принимались ею просто под влиянием момента (спасение Никто из камеры было ярким тому доказательством), то теперь она чётко знала, нельзя позволить им расстрелять его. И не только потому, что она обещала доставить его к Орлу живым и невредимым, а из её личных интересов тоже. Раненый или ещё хуже убитый Никто не сможет её защитить, а что взбредёт в голову Чёрному Бею неизвестно, и оставаться с ним и его людьми одной, даже и с обещанием выкупа, ей совсем не хотелось. Да и какой тогда бесславный конец ожидал их путешествие? Разве для того, чтобы попасться в лапы к Бею, они проделали весь этот долгий, слишком долгий и трудный путь? Поэтому никаким образом нельзя позволить им заполучить Никто. Им нужен он, она – нет. И выкуп манит Бея, она видела жадный блеск в его чёрных глазах. Пусть он перейдёт в атаку. Карина попытается обезвредить арбалетчика, а Никто расправиться со всеми остальными. В этом она не сомневалась. Пусть он был ранен в правое предплечье, Карина была уверена, это ему не помешает. Чёрный Бей и его люди сильно ошибались насчёт сына дьявола!

– Ну что ты такой трус, что прячешься за спину бабы! – закричал Эдин Ол.

– А ты?! – тут же не осталась в долгу Карина. – Иди, сразись с ним один на один! Что прикрываетесь стрелами?!

И Бей бросился в атаку, а Карина к стрелку. Она не боялась, страх ушёл на задний план. Он готов был выстрелить снова, его руки дрожали от напряжения, но она бросилась к нему, так прямолинейно подставляясь, продолжая заслонять обзор. Пристрелить её ни стоило никакого труда. Но Бей приказал брать её живьём. Заслоняя обзор, она мешала ему выстрелить в Никто, и к тому же в её руках был меч, и воин отбросил арбалет и выхватил свой меч.

– Бешенная сучка, как ты меня достала! – прорычал он, не в силах отвязаться от Карины, он только защищался, помня приказ Бея, и в тоже время не зная, как поступить с ней. Она

была как одержимая, словно дьявол вселился и в неё, вернее, так горе-стрелок и подумал перед тем, как упасть со смертельной раной в боку.

А Никто сошёлся в схватке с Беем и его людьми.

Обернувшись, Карина увидела, что ему приходится совсем не сладко, но он справлялся. И выглядело это очень мощно и страшно. До воинов Бея стало наконец доходить, что всё не так просто, и Никто с девушкой стоят десятка воинов. Круг, сжимавший его, стал расширяться. Оставшиеся воины уже не спешили атаковать. Окружив Никто, они просто удерживали его внутри. Кровь ручьем лилась по его руке, затекая на пальцы, но он крепко сжимал меч и, получив, наконец, передышку, повернулся к Черному Бею. Сам того не желая, Бей ввязался в некое подобие поединка один на один. Надо отдать ему должное, он сделал это не раздумывая, яростно и бесстрашно. И это было так сильно, что в какой-то момент его воины и Карина, пытавшаяся отвлечь от Никто Эдина Ола, замерли, заглядевшись. Не вмешиваясь и наблюдая, затаив дыхание, словно дело происходило ни в глухом лесу на заброшенном кладбище, а на арене Колизея.

Движения Никто завораживали, каждое было доведено до автоматизма, обучавшаяся в Академии Карина это видела и понимала то, как он, совершив выпад, возвращался в защитную позицию. Это длилось секунды и неискушённый зритель, может быть, и не заметил подобные мелочи. Но Карина видела. Раньше она их тоже не замечала, в пылу побега было не до этого. А его бои в Колизее она не воспринимала всерьёз, считая насквозь постановочными. Сейчас она поняла, что он и в реальном бою действовал, как в постановке. Значит, эти движения были буквально забиты у него на подкорке. Раз – нападение, два – исходная позиция, три – защита. Раз, два, три. Раз. Два. Три. Как танец. Карина пожалела, что хозяин «Нижнего Колизея» и Дим Аль в погоне за деньгами заставляли его играть, не давая раскрываться.

Безумный бой между Никто и Беем продолжался. И несмотря на механичность движений Никто, самое страшное было не это, а то, что его лицо не меняло выражения как маска. Ни один мускул не дрогнет, и губы не сжаты, может, даже расслаблены, с них не слетало ни звука. Лицо отрешённое. Это пугало и восхищало Карину одновременно. «Не человек» – подумала она. Без эмоций с безупречно отточенной техникой отец бы им гордился. Но он не человек. Никаких импровизаций, никаких рискованных действий, продиктованных человеческими эмоциями, злостью или нетерпением. По её мнению, он пропустил несколько удачных моментов, когда можно было рискнуть. Но он не шёл на риск. Медленно, но верно, шаг за шагом подводя противника к мысли, что тому не победить. Выверенные движения, выверенная тактика. Скучно, но без рисков. Почему он так делает? «Я спрошу его об этом потом», – подумала Карина. Хотя и так всё ясно, слишком много поставлено на карту. И Никто не вмешивается в ход событий, и люди Бея не вмешиваются, видя, что прямой угрозы для их господина нет. А Бей постепенно устаёт. Карина, Эдин Ол, Тобиас Бат, Майк Роут и другие оставшиеся воины как зачарованные стояли и смотрели на этот становившийся всё более вялым бесконечный поединок, и в действиях Никто и подуставшего Бея ничего не предвещало какого-то резкого развития событий. И вдруг наблюдатели не поняли, как это случилось, но яростный крик, практически животный вой Бея, словно вывел их из оцепенения или морока. Ещё секунду назад сражавшийся Бей лежал на земле, а его рука, всё ещё сжимавшая меч, валялась поодаль, и из неё фонтаном била кровь.

Поняв, наконец, что произошло и сейчас начнётся, Карина снова бросилась на Эдина Ола, но тот, и не думал нападать. Он бросился к Чёрному Бею, поднимая его, отволакивая

от Никто. Оставшиеся позорно разбежались. А Никто стоял. Карина с выдохом опустилась на землю. Всё.

Впрочем, она немного поспешила в своих выводах, разбежались не все. Перед Никто в классической стойке с перекошенным лицом, крепко сжимая в руке меч, стоял Тоби. И Никто, взглянув на него, не изменившись в лице, поднял свой меч тоже. Их поединок по канонам Академии был не долгов. Обезоруженный Тоби с вывернутой классическим приемом рукой лежал на могильной плите перед своим противником. Какое-то время они смотрели друг на друга, словно рассматривая.

– Ну? Убивай! – В глазах Тоби мелькнул страх, но он держался из последних сил, стараясь смотреть на Никто с вызовом.

– Нет, – Никто покачал головой, – ты не враг мне.

Тоби невольно глянул в сторону убежавших друзей:

– Отпускаешь? Оставляешь в живых?

Никто перехватил его взгляд:

– Хочешь остаться в живых – забудь про них. И ни в коем случае не возвращайся в деревню болотных.

Лицо Тоби перекошилось от страха:

– Что? Что там?!

Никто не ответил на этот вопрос.

– Выйди на тракт, – он махнул рукой, – вот туда. И возвращайся в город.

– Что мне там делать?!

– Начни новую жизнь. Иди к Толу и всё расскажи. Скажешь, что я просил за тебя.

– Так он мне и поверит!

– Тол поверит. Вернись в «Верхний» в Академию и доучись. Найди себе хорошую девушку и забудь всё, что было до этого. Арела забудь!

Тоби горько усмехнулся:

– Легко сказать... – невольно провёл пальцами по обезображенному рту. Он приподнялся с плиты, взглянул на Никто уже без страха:

– Тебе легко это забыть? То, что на твоём лице?

Они смотрели друг на друга. Никто склонился к нему. Почти лицом к лицу. Давая разглядеть себя, свои шрамы, свои татуировки на щеках.

– Речь сейчас не обо мне, – наконец сказал Никто спокойно. – Но... – он помедлил, – я пытаюсь. Я пытаюсь, Тоби.

Тот вздрогнул, когда Никто назвал его по имени.

– Тебе нужна семья. – Никто отстранился от него, отходя и позволяя встать.

Тоби горько усмехнулся, стряхивая с одежды каменную пыль и мох:

– И где же мне посоветуешь искать себе семью? Может, на рынке в базарный день? – и он рассмеялся невесело.

– Хоть бы и так. Удачи! – Никто отвернулся от него, уходя.

– И... и тебе... – едва выговорил снова ставший очень серьёзным Тоби.

Никто подошёл к Карине:

– Пойдём, – сказал он просто.

Карина поднялась.

– Знаешь, – сказала она чуть позже, когда они покинули лесное кладбище и почти вышли к Королевскому тракту. – Это какой-то кошмар, Ник! И ещё меня всё время не покидало ощущение, что мы словно герои какого-то приключенческого романа. Очень дурного романа, я бы сказала!

Глава четвертая.

Привал

– Остановимся здесь, – сказал Никто, тяжело опускаясь на траву.

– Да. Хорошо, – согласилась Карина. Ей и самой понравилась эта уютная лесная полянка, со всех сторон окружённая кустами. – Здесь небольшое озерцо, можно вымыться.

– Да, – отозвался Никто, и в его голосе она уловила усталость. Он сел на траву, как обычно вытянув хромую ногу, а здоровую чуть согнув в колене, и, чуть опустив голову, тупо смотрел перед собой в одну точку. Она видела, что он вовсе не разглядывает листочки клевера, в обилии росшие здесь, а смотрит на траву, как на фон, помогающий углубиться в свои мысли. Его глаза были пусты, и он смотрел вперед невидящим взглядом. И Карина, глядя на него и вспоминая то, что произошло с ними сегодня, в который раз подумала о том, что его милая и такая мягкая внешность с нежными аккуратными чертами, лишенная какой бы то ни было брутальности и жесткости совсем не вяжется с его поступками, тем как он действовал – жестко и бесстрашно.

«Ну как можно быть таким мягким внешне и таким сильным внутри!», – подумала она. «Это тело совсем ему не подходит. Всё-таки мужчины «высшей белой расы» слишком милые, впрочем, это не удивительно, ведь они абсолютно мирный народ, совсем не такие, как «черные» или «красные».

Она сказала:

– Ты так круто дрался сейчас, один против всех! Тебе очень сложно было?

– Да, это пиздец какой-то, – сказал он, всё также глядя перед собой, голосом, лишенным каких-то интонаций, так просто и буднично.

И Карина замерла, ошеломленная подобным неожиданным ответом. Своими ответами он периодически вводил её в замешательство, она вспомнила, как первый раз пришла к нему в камеру, вся дрожа от волнения, ожидая, что он начнет ей сейчас предьявлять, ну или произнесет какую-то осуждающую речь, а он сказал что-то в стиле: «Попроси этого старого мудака разбавлять не водой». И никакого пафоса, он перенял это от князя Арела или сам был такой? Вот и теперь она ожидала от него каких-то явно других слов, что-нибудь героическое: «Плевать я на них хотел!» или «Всё это ерунда, подумаешь! Кто они такие для меня! Да я расправился бы с ними одной левой!». А он сидит, такой замученный, уставший, и признается, что попал в переделку.

– Что? – И Карина засмеялась.

Он взглянул на нее удивлённо и улыбнулся тоже.

И сама не зная почему, она вдруг протянула руку и погладила его по лицу, по не шрамленной щеке, там, где на скуле чернела татуировка. Погладила с нежностью, по его зачерненной скуле, по витиеватым буквам нечистых, некоторые с «хвостами» вверх доходившими под самый глаз, другие наоборот «хвостами» вниз дугой спускались со скулы на щеку. Обе его татуировки на скулах были абсолютно одинаковыми и расположены симметрично, но потрепать его вот так ласково и по шрамленной половине лица она не решилась, он и так вскинул на неё глаза, полные удивления, и как-то смущенно произнес:

– Эй, что ты делаешь?

Но всё же она заметила, что в его взгляде промелькнули озорные искры, и он перестал тупо пялиться на клевер.

– Пытаюсь тебя приободрить, – улыбнулась она. – Всё ведь хорошо будет?

– Да, – кивнул он, – рука совсем онемела.

Помогая себе левой рукой, Никто стащил куртку; всё было пропитано кровью насквозь.

– Ты потерял много крови. Арел найдет доктора, я думаю.

– Нет. Я сам сейчас, – он потянулся к сумке, доставая бутылёк с «Самой», которую принёс им на болото Вер.

– Ты сможешь? – Спросила Карина немного испуганно.

Он не ответил, всё также действуя левой рукой – правая висела как плеть. Открутил крышку и смочил лекарством тряпицу.

– Ты хорошо умеешь действовать левой, я заметила, – сказала Карина, внимательно наблюдая за его действиями.

– За правую часто пристёгивали, пришлось научиться, – сказал он, – не волнуйся и... лучше не смотри.

– Я боюсь.

– Не бойся, – сказал он и приложил лекарство к ране.

И как только Никто приложил обильно смоченную «самой» тряпицу к задетому стрелой предплечью, лицо его исказилось от боли. Его буквально опрокинуло на спину, но здоровой левой рукой он всё равно мёртвой хваткой вцепился в предплечье, продолжая прижимать «лекарство» к ране. Его тело судорожно дёрнулось, рука наконец разжалась, отпуская пропитанный «самой» и кровью лоскут, лицо мертвенно побелело, а глаза закатились. Он лежал, разметав свои светлые длинные волосы по траве, и не шевелился. Потерял сознание? Карина испугалась:

– Ник? Ник?! – вскрикнула она испуганно.

И он зашевелился. Хрипло задышал, медленно и как-то неуклюже приподнял руки к своему горлу; его пальцы, нащупав широкий ошейник, вдруг к ужасу Карины, принялись скрести его, словно в отчаянной попытке снять. Когти заскребли по металлу, он схватился за край ошейника у самого горла, просунув пальцы под него, и потянул вниз. Это было бесполезно и бессмысленно и от того, наверное, ещё страшнее. То, как в беспомощной попытке он пытался освободить своё горло от рабского ошейника. Как судорожно дергал, пытаясь стянуть наглухо заваренный ошейник, который невозможно было снять, только распилить, да и то, на это потребовался бы явно не один час времени. Нащупав запаянный шов, Никто замер, глядя мертвыми пустыми глазами в небо. Лицо его исказила гримаса какого-то нечеловеческого страдания и безнадежного отчаяния, он продолжал еще вяло царапать пальцами по металлу ошейника, потом вдруг открыл рот и словно хотел закричать, но из горла его вырвался только глухой хрип. Он хотел кричать, но не мог.

– Боги! Он человек сейчас! – пронеслось в голове у Карины; Демон потерял контроль. Карина подскочила к брату, приподнимая его. Он сел, дрожа, его рот был приоткрыт, но с губ не слетало ни звука, хотя Карина была уверена, что он кричал, кричал от боли и невыносимого своего состояния. Пустые его слепые глаза смотрели прямо перед собой и в никуда. Пальцы безвольно отпустили ошейник. Он схватился руками за лицо, ощупывая себя также, как тогда в камере тюрьмы, и эти его судорожные движения пугали Карину больше, чем сам Демон. Никто согнулся, словно его сейчас стошнит, вцепился пальцами в свой нос, нащупывая кольца, пытаясь разжать и вытащить видимо ненавистные ему тяжелые украшения. Ему удалось разогнуть и вытащить лишь одно самое тонкое колечко. Из порванной ноздри потекла кровь. Карина испугалась:

– Ник, не надо! Ты не вытащишь! Нужны специальные инструменты! Ты себя только покалечишь! Не надо! Эти украшения тебя не уродуют, – она запнулась, понимая, что несет

чушь. Ей нужно было как-то попытаться его успокоить. Чтобы он перестал причинять себе вред. Он ударил себя по голове кулаками. Она закричала. И вдруг он вздрогнул, так, как обычно вздрагивают люди, когда засыпают. И уставился на неё, и, видимо увидев её перекошенное лицо, сразу всё понял. Отвернулся, отдирая тряпицу с предплечья. Рана полностью затянулась, оставив только белую полосу светлой новой кожи на татуировке. А Карина смотрела на его рабский ошейник и думала о том, что видит его сейчас совсем по-другому. Никто ходил в нем, никогда не высказывая или показывая какого-то неудобства. Он никогда не трогал его руками, в попытке снять или поправить.

Он никогда не дергал его руками. Он спал, ел и пил в нем, трахался в нем, и был для нее частью его самого. И только теперь она взглянула совсем по-другому, на это сомнительное украшение. Она вдруг со всей ясностью увидела, какой он толстый, широкий и наверняка тяжёлый. Она увидела выбитые на нём надписи, дату и место клеймения, порядковый номер раба. Приваренное кольцо, к которому должна была крепиться цепь. Демону видимо было без разницы, человек же её, брат, страдал, ошейник сковывал движения его шеи и мешал дышать. Никто поднял с травы вырванное колечко, взял его в рот и, посплюнув на ощупь, снова вставил в свой нос, приложил к порванной дыре в ноздре тряпицу с остатками «самы», поморщился, но не вырубился.

– Почему ты не снимешь ошейник? – спросила Карина. Никто взглянул на неё настороженно:

– Я раб вообще-то, забыла?

– Ну и что? Ты ведь никогда не вёл жизнь раба.

– Разве? – Никто пригладил волосы:

– Что ты об этом знаешь? Я на «ферме» был, а потом меня продали нечистым, и в городе я сидел в тюрьме и воевал как раб, как мясо, которое кидают на передовую. Я был отличным рабом!

– Но потом, когда ты познакомился с Арелом?

– Стал его рабом. Его шлюхой. Арелу он нравился, он пристегивал меня к кровати за него, он не приказывал его снимать. Это долго. Это нужно пилить.

– Я понимаю. Но ведь это возможно было сделать! И... И я поняла сейчас, почему ты этого не делаешь! Сейчас только до меня дошло! Ты его не снимаешь не потому, что ты раб! И не потому, что Арелу это нравилось! Ты его не снимаешь, потому что раб – мой брат! И ты ему это демонстрируешь! Он, он должен ходить в этом тяжелом ошейнике, потому что он – твой раб! Ты не снимаешь, чтобы показать моему брату, кто он. И ты обращаешься с ним, как с рабом. А шутка в том, что выглядишь как раб – ты!

– Я очень хорошо обращаюсь с твоим братом, поверь мне, ты просто не представляешь, как должен выглядеть раб в моём мире. Какой ошейник и что ещё он должен носить! Поверь мне, этот ошейник меньшее из того, что ему бы следовало надеть на самом деле по-хорошему! Но это и моё тело тоже, поэтому я ограничиваюсь всего лишь несколькими атрибутами.

– И ошейник в их числе? Да?

– Да!

– Я хочу чтобы ты его снял.

– Нет!

– Но тебе самому в нём разве удобно?

– Нормально!

– А ему плохо! Сними!

– Прямо сейчас хочешь снять?! Голову мне отрежь тогда!

Карина закрыла лицо руками;

– Пожалуйста, не злись, прошу. Может, возможно надеть на него ошейник полегче? Этот сколько весит?

Она подняла на него умоляющие глаза, попытавшись вложить в свой взгляд всё, что чувствовала, всю мольбу:

– Прощу тебя! Давай, когда мы приедем к Арелу в Имение, ты прикажешь распилить этот ошейник и надеть на брата другой, чуть легче. Я не прошу снять совсем, я понимаю, что он твой раб и должен быть в ошейнике, как бы это абсурдно не звучало и не выглядело, ведь вы – одно целое.

– Я подумаю, – сказал Никто, и Карина видела, что он пока не собирается откликаться на её просьбу.

– Сделай лучше такую мочалку из пучка травы, как ты делаешь, чтобы одежду оттереть. А? Займись делом. Твой брат в порядке, я не сделал с ним и сотой доли того, что должен был, потому что мне тоже нужно это тело. Вот и всё. Не волнуйся за него.

Карина отвернулась, чтобы он не видел её слёз, и принялась рвать траву.

Он молча взял у неё скрученный пучок травы, подошёл к кромке воды и принялся оттирать от грязи свои сапоги, он молчал и не смотрел на неё и явно больше не хотел продолжать разговор про брата, про ошейник, про рабство и правила поведения Демона в теле человека, и правила поведения человека, в котором поселился Демон. А она смотрела на него, и перед глазами стояла картина царапающего когтями ошейник существа, с лицом, искаженным отчаянием и безнадежностью. Незрячего и немого.

– Знаешь, что? – вдруг сказала она.

– Что? – он глянул на неё исподлобья, не отрываясь от своего занятия.

– Ты сейчас впервые не стал юлить и придумывать отговорки, ты сейчас впервые признался, что ты Демон в теле моего брата.

– И что?

– Ничего. Просто странно, почему?

– Ну, ты ведь всё равно так считаешь?

– Да. И я правильно считаю. Это правда. И если бы раньше сказал, я бы не ушла. Если ты боялся сказать, думая, что я испугаюсь и уйду, а я тебе была нужна для твоего колдовства...

– Ооо, твою мать, – протянул Никто. Отбросил травяную мочалку и посмотрел на Карину очень внимательно. – Иди сюда.

– Зачем?

– Боишься? А как ты собралась к Арелу идти? Он пострашнее меня будет в том, как обращается с женщинами. И Лис там.

– А если я им расскажу все? Что ты Демон.

– Они знают.

Карина опешила:

– Ты им говорил?

– Иди сюда.

Она подошла, и он прижал её к себе, приблизил лицо близко, смотря прямо в глаза.

– Говори им, что хочешь, мне всё равно. А тебе я сказал сейчас просто потому, что теперь можно. Но больше не спрашивай.

Он оттолкнул её легонько:

– Ты мыться будешь?

К вечеру они пришли в Имение, Никто вёл их окольными путями, буквально огородами, чтобы не попадаться на глаза редким крестьянам, впрочем, большинство из них, по-видимому, работали в полях и им не встретились. Обогнув большой массивный дом, Никто вскрыл какую-то заднюю калитку.

– Мы крадёмся как воры, – заметила Карина.

– Хочешь, чтобы на тебя пялились все слуги?

– Нет.

И всё равно, несмотря на все предосторожности, у самого крыльца им всё же попалась какая-то дородная служанка, которая, увидев выходящих из-за угла незнакомцев, охнула, выпучив глаза, и бросилась в противоположную от них сторону.

Глава пятая.

Друзья

Карина и Никто вошли в дом и главную залу Имения. Перед ними за столом сидели Орёл и Лис. И лицо Лиса было грубо раскрашено так, как обычно размалёвывают себя дешёвые шуты на ярмарках. А в его ушах вместо серёг блестили шутовские колокольчики. Нелепый грим безобразно искажал черты Лиса, и узнать его можно было только по рыжим волосам.

– Ох, – невольно вырвалось у Карины при виде этого.

– Привет, – сказал Никто, и тоже глядя на Лиса, не удержавшись, хмыкнул.

– Ник! Ник! Боги! Мой Ник! – закричал Орёл, вскакивая и не обращая никакого внимания на их несколько ошарашенный вид. Он бросился к Никто, падая перед ним на колени и обнимая его ноги, повторяя как заведённый:

– Ник, Ник, Ник. Я не верю в это счастье!

Никто склонился к нему, обнимая и поднимая с колен. Он улыбался:

– Я вернулся, – сказал он. А Орёл осыпал его поцелуями, целовал его руки, и в глазах его стояли слёзы.

Карина устало опустилась на скамью у входа. Князь, не обращая на неё никакого внимания, потащил Никто за собой вглубь комнаты, к лестнице, ведущей на второй этаж дома.

– Пошли, пошли со мной, – он буквально тащил Никто за собой, и тот, не сопротивляясь, шёл за ним.

Карина и Лис остались в комнате вдвоём. Она боялась поднять взгляд, чтобы не встретиться с ним глазами. Он выглядел так ужасно, так позорно. Впрочем, князь Арел выглядел не лучше. Она вспомнила, как скучала по ним и жалела, что уехала тогда из Замка. Как разглядывала издали, сидя в нижнем Колизее на финальном поединке Никто. Переживала за Арела, когда его избили на допросе. А сейчас вот они, снова рядом. Арел такой резкий, импульсивный, как всегда, ей показалось, что он был не трезв, Впрочем, наверное, конечно так и было. Он вообще когда-нибудь был трезвым? Вот он, князь, сейчас был совсем рядом, и она ничего не почувствовала, никакой радости или трепета. Он был кое-как одет, без украшений, при этом ещё и босиком, какой-то весь неаккуратный, неряшливый. Тёмные волосы не причёсанные, разлохмаченные, в колтунах, они неопрятными прядями падали ему на лицо, когда он стелился, ползая перед своим Никто. И эта его татуировка, она и забыла про неё, а сейчас так явственно увидела; чёрный дракон во всю щёку, реально на пол лица (так ей показалось) бросилось в глаза. На Лиса она вообще боялась поднять взгляд, он тоже был не причёсан, волосы убраны кое-как, он на суде выглядел лучше. А сейчас они, похоже, совсем опустились. Про то, что у него были раскрашены красным нос и рот, ей вообще даже думать не хотелось. Арел

размалевал его шутом, а Лис опять позволил. Как и тогда, когда они надели на него «позорную полоску» с колокольчиками. Ну что за дурак? И поэтому она сидела, боясь шелохнуться и поднять взгляд, не понимая, что она делает здесь, и что дальше. Она подняла глаза только тогда, когда услышала, что Лис встаёт со своего места, зазвенели колокольчики, и он подошёл к ней. Их глаза встретились, он смотрел на неё, сидящую сверху вниз, смотрел с вызовом и, как ей показалось, злобой. В испуге и замешательстве она опустила глаза снова, и тут он схватил её за предплечье, вздёргивая вверх, поднимая со скамьи. Он ударил её наотмашь, она, сжав зубы, не проронила ни звука. Он ударил снова, швырнув её на середину комнаты к столу. Карина словно онемела, не сопротивляясь. Лис схватил её и грубо бросил на топчан в углу комнаты. Подойдя, принялся срывать с неё одежду. Она позволила ему делать всё, что он хотел. Колокольчики в его ушах невыносимо и нестройно звенели, когда он, подмяв её под себя, наваливаясь сверху, лихорадочно, словно в горячке, имел её, тяжело и хрипло дыша, все его действия и движения – всё было с силой, грубо, с каким-то надрывом. Он быстро замер на ней, колокольчики замолкли, и она услышала, как бешено стучит в груди его сердце. Карина протянула руки и обняла его, обняла, прижимая к себе сильнее, ладонями сжала его голову, повернув его больше не искажённое злобой лицо к себе. Он попытался отвернуться, отводя взгляд. Его нарисованный красным рот улыбался от уха до уха. Оттолкнул её, вставая, отходя.

Он сел к столу, она осталась лежать, не было сил встать, не было сил что-либо говорить. «Это только начало», – подумала она. «Прости меня, папа».

Так сидели они в молчании, пока сумерки не сгустились над домом и в комнате стало почти темно; Карина задремала, она видела, что Лис курит, прикуривая сигарету одну от другой. И не притронулся ни к вину, ни к еде, стоявшей на столе.

Орёл затащил Никто наверх, в свою комнату.

– Ты вернулся! Вернулся! – шептал он, падая навзничь на кровать, и заваливая Никто на себя. Его глаза, глядящие на Никто, были пусты. В них

была только животная страсть. – Я так долго ждал тебя, – скороговоркой шептал он, лихорадочно стягивая с себя одежду; казалось, каждая минута промедления была для него мукой. Ничего не интересовало Орла, как Никто сумел спастись, что произошло с ним за это время, почему пришёл не один, а с Кариной, как он себя чувствует?

Никто сжал его горло руками, и Орёл задохнулся, уже в предоргазменном экстазе.

– Этого ты ждал? – спросил Никто.

Орёл не ответил. Никто отпустил его, молча раздевшись, отбросил в сторону куртку, рукав которой был заскорузлый от крови. Он видел, как его Арел изнывает от нетерпения, и любое его прикосновение вызывает прилив. Крепко сжав его в руках, Никто сделал то, чего так желал его князь. Ещё и ещё, новые и новые оргазмы. Сперма брызгала из члена Орла ему на живот, и на живот прижимавшегося к нему Никто. Мощные толчки; Орёл подавался вперёд, не сдерживая стонов.

– Переверни меня!

Никто выполнил его просьбу. Новый оргазм.

– Возьми меня за волосы!

Никто намотал его волосы на кулак, как раньше любил делать часто. Вдавил лицом в подушку. Кончил в Орла. Тот, поняв это, развернулся и, обхватив губами его член, принялся сосать со всей страстью, со всем усердием, не позволяя уйти эрекции. Никто позволил ему это. Орёл глотал его сперму. Никто с силой впечатал его в спинку кровати, ударившись спиной о доски, Орёл закричал:

– Да! Да!

Никто снова вошёл в него. Казалось, Орёл сейчас потеряет сознание. Это длилось довольно долго. Когда Никто наконец отпустил его, Орёл какое-то время лежал, не шевелясь, закрыв глаза, и только позже открыл их. И наконец посмотрел на Никто осознанно. С узнаванием во взгляде. Разглядывая, вглядываясь, рассматривая.

– Это ты, – сказал он тихо, – ты вернулся!

Его взгляд был полон любви, обожания. Он буквально упал перед сидящим на кровати Никто, ниц, обхватил его колени, целуя, распластавшись перед ним, у его ног.

– Я люблю тебя! Я обожаю тебя! Ты мой Бог! Мой Господин! Мой повелитель! Сделай со мной всё, что пожелаешь, всё, что захочешь! Я весь твой! Делай со мной что-нибудь! Делай! Делай!

Никто откинулся на кровать, лёг на спину:

– Хватит, Арел! Ты слишком голодный. А я устал.

– Да. Да! Я изголодался по тебе. Изголодался по своему Демону-господину!

– Хватит! – закричал Никто.

Орёл замер обиженно, в глазах его заблестели слёзы.

– Я ведь... я ведь просто безумно соскучился по тебе, мой любимый, – немного обиженно протянул он.

Никто притянул его рукой к себе:

– Ну, тихо, тихо, не начинай истерить. Прости меня. Я тоже очень люблю тебя! Я больше никогда! Слышишь?! Никогда! Не оставлю тебя. И у нас будет много времени. Я затрахую и затерзаю тебя так, что ты ещё пожалеешь, что я вернулся!

– Никогда не пожалею! Хоть режь меня на части!

– Я знаю, что тебе этого и надо, но не всё сразу, ладно? Я пришёл не один, и я обещал защитить её. Ты позовёшь Карину, и скажешь, что не сделаешь ей ничего плохого, и отпустишь.

– Хорошо, – не раздумывая, согласился Орёл; было видно, что ему абсолютно плевать на Карину и кого бы то ни было, и он вообще не думает об этом. Все его мысли были только о Никто.

– Подай мне мои штаны и сигареты, – приказал ему Никто.

Орёл бросился выполнять приказ.

– Ты поправился, – усмехнулся Никто, закуривая, – потолстел.

Орёл замер:

– Да, я немного поправился, – произнёс он в ужасе, – это очень плохо? Да? Ты больше не хочешь меня?

– Не говори ерунды! Ты просто выглядишь здоровым.

– Правда?

– Да! – Никто глубоко затянулся, – отъелся тут, наразвлекался с Лисом.

– Нет! Нет! Я чуть не умер без тебя! Не говори так! Что мне оставалось делать?! Нужно было как-то жить дальше!

– Ну, конечно...

Орёл снова бросился в ноги Никто. Тот поднял его:

– Что это? – он указал на след от раскалённой кочерги, ожог в форме L на груди Орла.

– Обжёгся по пьяни, – ответил Орёл быстро, – когда прикуривал от каминной кочерги.

И хотя слова эти были сказаны как будто бы ни в чём ни бывало, равнодушным голосом, Орёл всё же дрогнул под пристальным взглядом Никто, предательски отвёл глаза в сторону.

– Обжёгся, – повторил Никто. Затушив сигарету о дно пепельницы, он как-то странно задержал на ней взгляд, словно что-то вспоминая, потом лёг на бок, отвернувшись.

– Ну... – Орёл явно занервничал, – да это ерунда, Ник, по пьяни, говорю же тебе.

Он попытался снова повернуть Никто к себе. Но тот не поддался.

– Ник, ну ты что, мне не веришь?

– Хотел выебнуться перед Лисом, врешь мне...

– Ну Ник!

– Да ещё так складно!

– Ты что? Ревнуешь?! Ник, это глупо!

– Тогда зачем врешь! – Никто поднялся, сел на кровати, снова глядя на Орла в упор. – Зачем ты мне врешь?!

Орёл схватился за голову:

– Да не вру я!

– Орёл! Князь! Ты совсем попутал?! Забыл, кто я?!

– Сын Дьявола? – спросил Орёл осторожно.

– Ага. А ты мне врешь!

– Ты ревнуешь! Ник! Ник, я просто посчитал, что это ничего не будет значить для тебя!

– Мне неприятно, – Никто сбавил тон и потянулся к сигаретам снова:

– Ты вытащил серьги, снял всё, что я тебе дарил.

– Не всё... – как-то неубедительно промямлил Орёл. – Не всё вытащил.

Он указал на свою грудь. Тяжёлые кольца из сосков были вынуты. Хотя дыры, оставшиеся от них, были ещё видны, они вполтину затянулись, да и сами соски без тяжёлых украшений не были оттянуты, почти восстановились. Но штыри, торчащие над ореолом соска вверху и внизу, остались.

– Это не вытащил просто потому, что не смог, – сказал Никто. – Там внутри, – он ткнул пальцем в грудь Орлу, – в них вставлен ещё штырь. Ты потянул за верхушку, но горизонтальная палка стопорит. Вот почему ты их не вытащил. Тебе стало больно.

– Да, я понял, что там как крест у меня внутри, – сказал Орёл.

– Ты понял, – усмехнулся Никто скептически, – ни хрена ты не понял! Лис тебе объяснил!

– Ну хватит! – закричал Орёл.

– Не ори! – Никто схватил его за лицо, закрывая рот, вцепляясь пальцами в щёки:

– И моё клеймо бы стёр, если б смог!

Он оттянул щёку Орла с изображённым на ней драконом:

– Мое стёр, а для него поставил!

– Ник... прости... я... просто... не думал, что это будет так важно для тебя, – едва лепетал несчастный Арел. – Я очень переживал. Я не мог спать от тоски по тебе. Я каждую ночь

катался с боку на бок, пытаюсь заснуть, даже алкоголь плохо помог! И мне казалось, что они мне мешают. Особенно в ушах.

Никто отпустил его грубо, но легко оттолкнув. Снова подкурив брошенную сигарету:

– И ты не сказал мне: «Это ничего не значит для меня, так, сдурил по пьяни». Не предал Лиса! Сказал: «Я думал, это ничего не будет значить для тебя!». Значит, для меня это ничего не значит? А для тебя значимо!

Орёл посмотрел на него ошеломлённо:

– Ты развлекаешься так сейчас? Ник? Изображаешь сцену ревности? Это тебя заводит что ли? Ты прекрасно знаешь, что я люблю только тебя! Что я буквально помешан на тебе! Тебе просто хочется подурить!

– Нет, – покачал головой Никто, – я по правде ревную.

– По правде?! Ты... Ты полюбил меня так, что ревнуешь?! Я ушам своим не верю! И тебе не всё равно?! Но... но... ты не должен ревновать к Лису. Понимаешь, есть люди, с которыми я близок, почему, я не знаю; я чувствую эту близость, словно соприкасаюсь душами, и с Лисом я чувствую это соприкосновение. Я любил всех своих людей, я много общался с Энрики, и я люблю Тола. Но вот это узнавание, безоговорочное принятие, даже если разум не согласен, я чувствовал только к Лису и ещё к Косому. Но! Не смотри на меня так сейчас. Я всё равно старался их подавить, сломать. И ещё, я всегда чувствую превосходство. Я князь! Я истинный чёрный! А Лис, ну что Лис, какое бы соприкосновение душ я не чувствовал с ним и к нему, я всё равно избранный, а он – рыжая полукровка! Он рыжий, понимаешь? Он всё равно мне не ровня! Ни один человек мне не ровня! Тебе не к чему ревновать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.